Небо падших

Автор:
Юрий Поляков

Небо падших

Юрий Михайлович Поляков

Герои повести «Небо падших» – бизнесмен и его секретарша, со всеми вытекающими из этого последствиями. Их отношения – от банальной связи к трагической любви – описаны с психологической точностью, неповторимым чувством юмора и утонченной эротической дерзостью…

Юрий Поляков

Небо падших

Должен предупредить, что я записал его историю почти тотчас по прослушании ее, и, следовательно, не должно быть места сомнениям в точности и верности моего рассказа. Заявляю, что верность простирается вплоть до передачи размышлений и чувств, которые юный авантюрист выражал с самым отменным изяществом…

Аббат Прево. «История кавалера де Гриеи Манон Леско»

1. Московский вокзал

Боязнь опоздать на поезд – верный признак того, что молодость позади. Было время – и я, вскинув на плечо здоровенный чемодан, в спринтерском рывке мчался, догоняя габаритные огни последнего вагона. А ведь догонял! Догонял буквально за миг до того, как обрывалась платформа и лоснящиеся стальные рельсы, точно змеи, расползались в разные стороны. Я всегда опаздывал и ни разу не опоздал по-настоящему. Мне даже нравилось, пришпоривая беспечальную застойную жизнь, создавать себе трудности и успешно их преодолевать. Молодость столько сил тратит на придуманные трудности, что у зрелости почти не остается сил на борьбу с трудностями настоящими. Возможно, именно в этом главная драма человеческой жизни…

И вдруг однажды мне разонравилось опаздывать, опостылело с замиранием сердца следить за дробным бегом секундной стрелки и скрежетать зубами, когда флегматичный таксист законопослушно тормозит на красный свет. Я стал приезжать на вокзал заранее и к моменту отправления уже сидел в теплых тапочках на своем месте, терпеливо дожидаясь скрежещущего первотолчка, с которого начинается путь к цели.

В тот вечер я уезжал из Питера на «Красной стреле» после унизительных переговоров с «СПб-фильмом». Мой сценарий о матери-одиночке, которая – чтобы прокормить детей – стала киллершей, был отвергнут окончательно и бесповоротно. Мне объявили, что в сценарии соплей гораздо больше, нежели крови, а следовательно, фильм не будет иметь кассового успеха. Я спорил, доказывал, что именно обилие соплей, а не крови обеспечивает полные сборы. Я просил особое внимание обратить на центральный эпизод, когда мать-одиночка между двумя заказными убийствами забегает домой – покормить грудью младенца. Я считал этот эпизод шедевром, достойным Люка Бессона.
Но продюсер, молодой, коротко стриженный балбес, так не считал. Он совсем недавно пришел в кино из водочного бизнеса, был неумолим и даже собирался взыскать с меня выданный год назад и давно проеденный аванс, если я в течение двух месяцев не сочиню для студии сценарий «забойной» эротической комедии. Продюсер, по слухам, сожительствовал с известной питерской стриптизершей, воображающей себя еще и актрисой. Мне не оставалось ничего другого, как согласиться. Он обрадовался так, словно я только что продал ему свою бессмертную душу, он даже простил проеденный аванс и распорядился за счет студии отправить меня домой в спальном вагоне.

На Московский вокзал я приехал за полчаса до отхода и бродил по платформе, ожидая, пока подадут состав. Я думал о том, где взять деньги на ремонт

старенькой «шестерки», которую разбила моя жена, поехав за покупками на оптовый рынок. Надо было также платить за дочь, поступившую на курсы визажистов. Холодный мартовский ветер продувал насквозь мой финский плащ, купленный десять лет назад на закрытой распродаже, устроенной для делегатов съезда советских писателей. А ведь я, мысленно распределяя деньги за сценарий о кормящей киллерше, собирался купить себе длинное кожаное пальто с меховой подстежкой. Купил…

Подали состав. Проводница глянула в мой билет и, буркнув: «Первое купе, второе место…» – спрятала его в раскладывающийся планшет с карманчиками. В теплый вагон я вошел первым. Узкий проход устилала ковровая дорожка, а со стены свисали вечнозеленые пластмассовые растения. Диванчики в двухместном купе были аккуратно заправлены накрахмаленным бельем, испускавшим едкий запах искусственной свежести. В изголовьях, точно наполеоновские треуголки, стояли подушки. Я переоделся в спортивный костюм с эмблемой «Спартака» на груди и меховые тапочки, а стоптанные башмаки вместе с дорожной сумкой из потрескавшегося дерматина затолкал подальше под сиденье. И стал смотреть в окно, для развлечения пытаясь угадать своего соседа по купе.

Сначала я загадал пышнобородое духовное лицо в рясе и скуфейке, но оно проследовало мимо четким, почти строевым шагом. Затем я помечтал о генерале с огромным животом. Многочисленная свита, состоявшая исключительно из полковников, была с ним столь заботлива, нежна и предупредительна, словно вела военачальника рожать. Но в другой вагон… Был даже момент, когда я вознадеялся провести эту дорожную ночь с юной длинноногой особой. Пьяно покачиваясь, она долго рылась в сумочке. Я подумал о том, что эротическую комедию можно начать с того, как в купе к скромному отцу семейства входит рыжеволосая красотка… Наконец она нашла билет, недоуменно помотала головой и повлеклась дальше вдоль состава. Без одной минуты двенадцать грянул гимн – поезд дернулся и пополз. Когда я уже решил, что остался в одиночестве, дверь купе резко отъехала в сторону: на пороге стоял лысоватый мужчина боксерской наружности. Несмотря на зрелый возраст, одет он был вполне по-молодежному: синие джинсы, вишневая рубашка, черная кожаная куртка и спортивные туфли. Боксер внимательно осмотрел купе, ощупал взглядом меня и спросил:

– Это ваше место?

– Исключительно! – ответил я с достоинством.

Он легко закинул в багажную нишу огромный чемодан на колесиках, поставил на свободный диванчик саквояж из натуральной рыжей кожи, потом отступил в коридор и позвал:

– Пал Николаич! Здесь…

В проеме появился невысокий молодой человек в распахнутом черном кашемировом пальто.

«Павел Николаевич! – сердито подумал я. – Меня в его возрасте никому и в голову не приходило величать по имени-отчеству…» Мне вообще иногда кажется, что мы живем в стране, где власть захватили злые дети-мутанты, назначившие себя взрослыми, а нас, взрослых, объявившие детьми. Потому-то все и рушится, как домики в песочнице…

– Здравствуйте, – сказал мутант весело и звонко, – вам придется перейти в другое купе!

Скажу честно, я человек совершенно неконфликтный, даже уступчивый, но одного просто не переношу – когда мне приказывают. Жена моя, кстати, давно уже это усвоила и никогда не говорит: «Сходи в магазин!» Нет, она, даже если я просто лежу на диване, говорит: «Милый, хочу тебя попросить… Конечно, если у тебя нет других дел!» В следующий миг, отложив все дела, я уже мчусь в булочную с сумкой в руке.

– Толик, помоги, пожалуйста, господину перенести вещи! – не дожидаясь моего ответа, приказал Павел Николаевич боксеру.

И только тут до меня дошло, что Толик – телохранитель. Мне стало не по себе. Конечно, умом я понимал, что нужно обратить все в шутку и перейти в другое купе – ведь подобные обмены местами дело в поезде обычное. Но в душе уже набухало злое, не подчиняющееся разуму упрямство. Если бы он не произнес это мерзкое словосочетание «вам придется», мне, разумеется, пришлось бы согласиться – и эта повесть никогда не была бы написана…

– Товарищ, кажется, не слышит! – высказался Толик.

Я молчал, упершись взглядом в пол. Узкие черные ботинки моего внезапного утеснителя были такими чистыми, точно носил их ангел, никогда не ступавший на грешную землю. Кстати, у мальчишки-продюсера, отвергшего мой сценарий, были такие же дорогие, узкие, без единого пятнышка ботинки.

– Где ваши вещи? Давайте пособлю! – предложил телохранитель.

– Я на своем месте и никуда не пойду! – ответил я несколько истерично, но достаточно твердо.

– Не понял! – удивился Павел Николаевич.

– А что тут непонятного? – крикнул я и посмотрел на обидчика в упор.

Лицом он походил если не на ангела, то на студента-отличника из фильма семидесятых годов: румяное круглое лицо, вздернутый нос и большие очки. Но в зачесанных назад волнистых темно-русых волосах виднелась проседь, совершенно неуместная в его розовощеком возрасте.

– Повторяю еще раз: вам придется перейти в другое купе! Толик, помоги господину!

Я обратил внимание, что, сердясь, Павел Николаевич сжимает свои и без того тонкие губы в строгую бескровную ниточку.

– Почему? Вы не желаете со мной ехать? Вы меня боитесь? – спросил я с иронией и пожалел об этом.

Глаза у студента-отличника оказались совершенно свинцовые, а взгляд равнодушно-безжалостный.

– Я никого не боюсь. Толик, не сочти за труд – сходи за проводницей!

Телохранитель ушел, а Павел Николаевич снял и бросил на диванчик пальто, потом дорогой пиджак с металлическими пуговицами, затем развязал изысканный галстук и остался в тонких черных брюках и белоснежной сорочке, обтягивающей наметившийся животик.

«Он и рубашки-то, наверное, в стирку не отдает, просто вечером выбрасывает старую, а утром надевает новую, как женщина – одноразовые трусики!» – с обидой подумал я.

– Вы напрасно уперлись, – с укором проговорил Павел Николаевич, снял очки, и лицо его стало совершенно детским. – Вам все равно придется перейти в другое купе… Я с незнакомыми людьми не езжу.

– Тогда купите себе самолет и летайте со знакомыми!

– Самолет у меня есть. Но сегодня я вынужден ехать поездом, – совершенно серьезно объяснил он.

Явилась проводница. Было видно, что за вмешательство ей уже заплачено или во всяком случае обещано – и немало.

– Гражданин, перейдите, пожалуйста, в другое купе! – потребовала она.

– Почему?

– Потому что молодой человек хочет ехать со своим другом!

– Не перейду!

– Хотите, чтобы вас перенесли? – вяло удивился Павел Николаевич.

– Если вы до меня дотронетесь, у вас будут большие неприятности! – предупредил я.

– Да он пьяный! – показывая на меня пальцем, крикнула проводница. – Предъявите документ! Я сейчас наряд вызову!

– Наряд? Очень хорошо! – Я достал из кармана и помахал в воздухе «корочками» с надписью «Пресса».

Это было удостоверение одной популярной и очень скандальной молодежной газеты, где я вел рубрику «Архивная мышь». Вообще-то удостоверение мне, как внештатнику, не полагалось, но ответственный секретарь, мой давний приятель, выписал «корочки», чтобы я мог посещать очень дешевую редакционную столовую.

Проводница растерялась: деньги деньгами, а с прессой лучше все-таки не связываться. Журналист ведь вроде смоляного чучелка – потом не отлепишься… Она пообещала договориться с пассажирами из другого купе и ушла.

– Не люблю журналюг! – весело сообщил Павел Николаевич. – Продажные вы все людишки!

– А вы покупали?

– Неоднократно.

– Ну, меня вы пока еще не купили! И потом, я не журналист, а писатель…

– Писатель? Ну, это еще дешевле. Как ваша фамилия?

– Скабичевский…

– Странно. Мне показалось, что вы – Панаев…

Некоторое время мы молча сидели друг против друга. Телохранитель тем временем аккуратно повесил на плечики одежду шефа и стоял в дверях с каменным лицом, ожидая дальнейших указаний.

– Хорошо, – вдруг прервал молчание Павел Николаевич. – Я даю вам пятьсот баксов – и вы переходите в другое купе. Договорились?

Он махнул рукой – Толик раскрыл дорожный саквояж, извлек оттуда черную сумку-барсетку и протянул хозяину.

«Ничего себе кошелек!» – подумал я.

Мой попутчик небрежно достал из барсетки толстую, перетянутую резинкой зеленую пачку и отсчитал пять стодолларовых бумажек.

– Нет, – ответил я, отводя глаза от денег.

Павел Николаевич молча добавил еще столько же:

– Возьмите, вам же хочется. Смелее! В первый раз всегда страшно. – Он улыбнулся, и на его круглых щеках обозначились трогательные ямочки. Мне и в самом деле очень хотелось. Это была как раз та сумма, какую запросили с меня в автосервисе за полное восстановление «шестерки».

– Уберите деньги! – потребовал я.

– Ладно, отдаю все! – Он бросил на столик пачку и ребячливо подмигнул телохранителю.

– Зачем вы валяете дурака? Вы же все равно мне всех этих денег не отдадите!

– Отдам!

– Не отдадите!

– Конечно, не отдам.

Он надел очки и снова стал взрослым. Ямочки на щеках исчезли, как и не было.

– Зачем же вы тогда издеваетесь?

– Я вас искушал. И вы мне понравились. Давайте лучше выпьем! Толик, будь другом, накрой поляну. Мы тут с господином писателем о жизни побеседуем.

Телохранитель вынул из саквояжа две бутылки красного вина.

– Бургундское. «Кортон гран крю фэвле» восемьдесят восьмого года! – сообщил Павел Николаевич. – Очень милое вино. Вообще-то я больше люблю бордо,

например «Шато Тальбо» восемьдесят девятого… Но оно капризное: откроешь – и нужно почти час ждать, пока резкость уйдет. Бургундское в дороге предпочтительнее. Или у вас другое мнение?

– А сколько оно стоит? – осторожно спросил я.

– Эх вы! Это про женщину сначала спрашивают: «Сколько стоит?» – а потом пробуют. С вином же все наоборот, сначала пробуют, а потом уже спрашивают: «Сколько стоит?»

Толик между тем вынул закуску: бутерброды с икрой и рыбой, уложенные в пластмассовую коробочку. В другой коробочке оказалась клубника. Потом он взял со столика и посмотрел на свет стаканы, поморщился и унес их прочь.

– К сожалению, бургундских рюмок здесь нет. Придется пить из общепитовских. Уж извините! – с издевательской грустью молвил мой попутчик.

– Переживу как-нибудь.

Толик воротился с другими – чистыми стаканами. Сопровождала его радостная проводница:

– Я договорилась в третьем купе!

– Спасибо, голубушка, за хлопоты, – кивнул Павел Николаевич, – но мы уже подружились… Толик, поблагодари девушку за заботу!

Вернувшись, телохранитель достал из кармана складной нож со штопором, откупорил бутылку и уверенным официантским жестом, несмотря на покачивание вагона, разлил рубиновое вино по стаканам.

– Спасибо, иди спать! – распорядился Павел Николаевич и, глядя вслед уходящему, добавил: – Отличный мужик. Горбачева охранял. Теперь вот со мной. Уже пять лет. Стреляет как бог! А удар!.. И вообще он человек, можно сказать, исторический…

– А вы не боитесь, что он когда-нибудь в вас выстрелит? – ехидно поинтересовался я.

– Нет, не боюсь. Если он даже Горби не пристрелил, то мне бояться нечего. Эти люди стреляют или во врага, или в себя… Странный народ… Кстати, давайте выпьем за русский народ! Знаете, когда все это началось, я думал, через год, максимум через два нас всех на вилы поднимут. Ничего подобного. Наоборот, сын трудового народа Толик меня и охраняет. За народ!

– Нет, за это я пить не буду.

– Почему?

– Из принципа…

– Бросьте! «Человек с принципами» – это всего лишь щадящий синоним к слову «неудачник»…

– Значит, «беспринципность» – всего лишь синоним к слову «преуспевание»?

– Вы со всеми такой вредный или только со мной?

– Нет, не со всеми. Но если бы народом был я…

– Я бы давно уже был на вилах! – засмеялся Павел Николаевич. – Какой вы злой! Вы, наверное, просто бедный? Но за ненависть мы пить не будем. Выпьем за любовь! Вы допускаете, что такой мерзавец и мироед, как я, способен испытывать это чувство?

– Отчего ж не допустить! Самых трогательных романтиков я встречал в зоне, когда писал очерк к двухсотлетию Владимирского централа.

– Романтика? При чем тут романтика? Любовь добывается из такого же дерьма и грязи, что и деньги. Ее так же, как деньги, легко потерять. Может, когда-нибудь люди будут на кредитных карточках копить не баксы, а любовь…

– Ого! Вы не пробовали сочинять? – довольно ядовито спросил я.

– Пробовал. Даже литературную студию при МАТИ посещал. Стихи писал… концептуальные. Прочитать?

– Потом. А сейчас больше не сочиняете?

– Нет. Знаете, бизнесом, творчеством и любовью у человека ведает одна и та же часть мозга, поэтому среди хороших поэтов не бывает хороших бизнесменов. И наоборот. Кстати, влюбленный бизнесмен тоже не жилец… Вы-то бизнесом пробовали заниматься?

– Никогда.

– И не пытайтесь! Я знал одного сценариста. Он с нефтью связался, да еще втюрился в кинозвезду… Страшная история – нашли с чеченским кинжалом в сердце.

– Я, кажется, читал об этом в газетах…

– В газетах? – Он посмотрел на меня с упреком. – Вы читали, а я хоронил… Давайте все-таки выпьем!

Вино, как и следовало ожидать, оказалось замечательным. Некоторое время мы сидели молча. Я отогнул краешек накрахмаленной занавески: мелькающие столбы отмеривали проносящуюся за окнами ночь.

– Знаете, иногда хочется все бросить, спрятаться в деревне и по вечерам, слушая сверчка, написать книгу… – мечтательно произнес Павел Николаевич.

– О чем?

– О дерьме.

– Из которого все добывается?

– Да. У меня очень много сюжетов. Хотите, я подарю вам один? Настоящий! Не из газет.

– Спасибо, но у меня своих сюжетов достаточно.

– Ленивы и нелюбопытны… А потом еще на читателя жалуетесь!

– Я не жалуюсь… Читатель всегда прав. Критики – другое дело. Учитывая тематику вашей будущей книги, я могу вам дать несколько сюжетов о критиках…

– Да ладно уж… Ничего я никогда не напишу. Мне бумагу марать так же опасно, как сценаристу торговать нефтью… Слушайте, а вы когда-нибудь на заказ писали?

– Конечно. Двум маршалам мемуары сочинил. При советской власти за это неплохо платили. Не то что сейчас…

– Отлично. – Павел Николаевич от возбуждения взъерошил рукой волосы, и сединок у него обнаружилось даже больше, чем показалось мне вначале. – Я заказываю!

– Что вы заказываете? Меня?

– Не надо так шутить. Это не смешно. Вы прекрасно понимаете, что я хочу заказать. Но я не знаю, что может выйти из моего сюжета – рассказ, повесть, роман… О гонораре не беспокойтесь. Я не жадный.

– Погодите, может быть, мне ваш сюжет еще и не понравится…

– Опять привередничаете!

– Но ведь и вы заключаете не каждую сделку из тех, что вам предлагают, – возразил я.

– Ленивы, но изворотливы. Давайте лучше выпьем!

– За что?

– Теперь ваш тост.

– Тогда – за ту часть мозга, которая не может одновременно заниматься бизнесом и творчеством!

– И любовью! – добавил Павел Николаевич.

– А ваш сюжет про любовь?

– Конечно! А про что же еще?!

Он засмеялся, и на его щеках снова возникли ямочки.

2. Гаврош капитализма

– Ну, не знаю. – Я невольно улыбнулся в ответ. – Может, про первичное накопление!

– Об этом тоже можно целую книгу написать! Эпопею о гаврошах русского капитализма… О тех, кто был ничем, а стал всем!

Павел Николаевич полуприлег на диван, явно устраиваясь для обстоятельного повествования. Я подложил под спину подушку и приготовился слушать. Перестук колес напомнил мне вдруг стрекот оставленной дома пишущей машинки.

– А у вас бывает так, словно вы смотрите на себя со стороны, как на актера, играющего роль? – спросил он.

– Бывает… У психологов есть даже какой-то специальный термин для этого ощущения…

– Во-от! Вы знаете, мне долгое время казалось, что я просто играю главную роль в мыльной опере про богатых, которые плачут, смеются, жрут, трахаются

и занимаются прочей жизненно важной чепухой. Мне казалось, вот сейчас закончится очередная сцена, вырубятся «юпитеры» – и костюмер заберет у меня тысячедолларовый смокинг, а бутафор отгонит в студийный гараж мой джип. Я переоденусь в потертые джинсы, свитерок и курточку из дубеющего на морозе кожзаменителя, сяду в синий троллейбус, подберу с затоптанного пола более-менее свежий билетик (чтобы в случае чего отовраться от контролера) и поеду в институтскую общагу. Там какая-нибудь старшекурсница, уже успевшая сходить замуж, родить, развестись и отправить ребенка к маме в родной Гадюкинск, нальет мне водчонки, накормит яичницей с крупно нарезанной колбасой, а затем, если соседки ушли, мы поскрипим немного на узкой казенной кровати: я буду терпеливо гоняться за оргазмом по закоулкам своего безотзывного после алкоголя тела, а она – страстно шептать в мое ухо: «Только не в меня! Только не в меня!!»

Женщины моей юности делились на вменяемых и невменяемых.

А вечером, натолкав в сумку учебники и конспекты, я побегу на Ходынку – сторожить авиационный музей под открытым небом. «А что там сторожить?» – спросите вы. Понятное дело, первый сверхзвуковой истребитель на себе не утащишь и даже отвинчивать нечего – все, что можно, уже открутили. Главная задача – не допустить превращения вертолетных кабин в сортиры, потому что стремление нагадить в любом плохо освещенном замкнутом пространстве – видовая особенность человека разумного.

За это мне полагалось сорок рублей в месяц. А еще в нехолодное время года за пятерку можно было в большой грузовой вертолет пустить бездомную парочку – покувыркаться на брезенте, постеленном поверх вороха пахнущего бензином московского сена. Плюс повышенная стипендия. Я был отличником. Почти отличником. Если сложить все вместе, то выходило совсем неплохо. А иначе иногороднему студенту в Москве не прожить.

Собственно, с этого большого грузового вертолета, оборудованного под шалаш любви, и начался мой бизнес. А поскольку большинство отечественных самцов, как и первые лимузины, могут работать только на спирте, мы с напарником стали запасаться водкой и продавать ее посетителям с ночной надбавкой. Дело процветало – мы благоустроили еще пару вертолетов и «Ил-14», а водку на поддельные талоны закупали ящиками. Охраняли нас от неприятностей – разумеется, не бесплатно – милиционеры из соседнего отделения. Начальник музея, отставной авиационный руководитель, брал с нас натуральный налог

девочками и помалкивал… Замечательное, романтическое время, когда разбогатеть можно было так же неожиданно и легко, как подцепить триппер. Это, кстати, с начальником музея вскоре и произошло. Нет, он не разбогател. Разбогател я!

Не улыбайтесь! Я знал людей, которые становились миллионерами за несколько месяцев, а в конце года уже беседовали о вечности с могильными червями. Главное – уметь урвать свою сосиску у рассеянного и вечно пьяного дяди Вани… Если Америка – это дядюшка Сэм, то Россия – дядя Ваня… Но украсть – только начало, надо еще уметь делиться. Так делиться, чтобы самый большой кусок сосиски доставался все-таки тебе! Мой напарник делиться не умел – и его давно уже нет в живых.

– Заказали?

– Боже мой, ну почему приличным людям так нравится ботать по фене? Заказали, пришили, забили стрелку… Прямо какая-то эпидемия!.. Не знаю… Может, и заказали. Ушел из дому и не вернулся. Нет, я тут ни при чем… Я вообще против насилия! Не верите? В общем-то правильно делаете… Бизнес – производство грязное и вредное. Но не все так просто. Когда это началось, урвали прежде всего крутые и матерые… И мы, совсем еще зеленые… Люди вроде вас, господин писатель, привыкли просчитывать каждый свой шаг и чих – поэтому они опоздали. Представьте себе большой склад, набитый добром, – в него заложена бомба. Первыми, еще до взрыва, приезжают на склад и хапают те, кто эту бомбу заложил. Потом хре-е-енак – и добро валяется под ногами. Вы будете ходить вокруг да около, будете бояться милиции, КГБ, общественного мнения, суда истории и так далее. А пацаны примчатся на скейтбордах и все расхватают… Ну что вы так смотрите на меня? Вам ведь не социализм жалко, вы просто злитесь, что именно вам ничего не досталось. Но это История так распорядилась, а злиться на Историю лучше всего в психушке под наблюдением врачей…

– Это, значит, История вынудила вас устроить в вертолете бордель? – полюбопытствовал я, глядя в глаза Павлу Николаевичу.

– Она, она, собака… При социализме на общегосударственном уровне ставился эксперимент по одомашниванию секса, а он, гад, все равно в лес глядел. На этом я и срубил свои первые бабки. Но бордельный бизнес меня никогда не привлекал. Я начал с того, что за сравнительно небольшие взятки и на

сравнительно законных основаниях арендовал по соседству с авиамузеем вышку для прыжков с парашютом. Она тогда никому не была нужна. Ошалевший народ, вдруг потеряв все, что нажито непосильным трудом, прыгал с балконов вниз головой. А тут вышка! Просто никому в голову не приходило, что в Москве найдется куча людей с деньгами, которые, обожравшись в кабаке, натрахавшись в сауне и заскучав, захотят прыгнуть или хотя бы поблевать с этой самой вышки. Мне пришло в голову, и я организовал кооператив «Земля и небо».
Не догадайся я – догадался бы кто-нибудь другой. Не подбери я – подобрал бы кто-нибудь другой.

Бизнес, как и настоящая любовь, захватывает целиком. Я ушел из авиационно-технологического института с четвертого курса. Особенно радовался этому преподаватель кафедры научного коммунизма Плешанов, с которым я всегда спорил на лекциях, а однажды даже сказал, что марксизм – это попытка осмыслить жизнь не с помощью мозговых извилин, а с помощью прямой кишки! Меня чуть не исключили из комсомола. Великая была организация! Поскреби нынешнего российского миллиардера – найдешь или комсомольского функционера, или активиста. Моя парашютная вышка была филиалом спортивно-массового отдела райкома комсомола, а первым чиновником, получившим от меня взятку в конвертике, был секретарь райкома Серега Таратута. Вторую взятку, но уже не в конверте, а в кейсе, я дал его папаше – начальнику управления гражданской авиации.

Так появился «Аэрофонд».

Я, кстати, потом решил все-таки закончить институт. Знаете, эдакий рудимент советского воспитания: без диплома чувствуешь себя как порядочная женщина, отправившаяся в театр без трусиков под юбкой. Сначала я пытался учиться честно: каждому экзаменатору вручал конверт с баксами, а они мне зачетку с «пятеркой». Потом мы под ручку выходили из институтской проходной. Любимый профессор шел на автобус, а передо мной шофер предупредительно распахивал дверцу джипа. Жаль, что Плешанова я в институте уже не застал. Он к тому времени опубликовал нашумевшую статью «Крылья ГУЛАГа» и стал большим человеком у демократов.

Но игра в образцового экстерна мне, впрочем, быстро надоела, да и времени не хватало. Кончилось тем, что я проплатил оборудование новой институтской лаборатории, выдал всему профессорско-преподавательскому составу премии к Новому году. Оставалось спонсировать ремонт личной дачи проректора по

науке – и получить диплом. Дешевле, конечно, было купить подделку, но я в ту пору еще верил, что однажды стану президентом этой страны. Мы все в это верили… Нам тогда сказали: «Парни, можно все!» Обманули, как всегда. Казалось, главное в жизни – это больше и выше! Оказалось, главное – это просто в очередной раз отбиться от прокуратуры и бандюков. Отбиться и уцелеть.

Странное время! Вы знаете, зачем я ездил в Питер? Давал показания. Как свидетель. Пока как свидетель. Это с одной стороны. А с другой – я член-корреспондент Международной авиационной академии, хотя институт так и не окончил. Из-за Большого Наезда: не до дипломов было – еле жив остался. С тех пор все никак не соберусь… Потом, на человеке ведь не написано, что у него незаконченное высшее, и в банкомат, между прочим, засовывают «кредитку», а не диплом… Что вы улыбаетесь? Мой «Аэрофонд» – одна из самых заметных времянок на руинах советской авиации. У меня деловые отношения с пятнадцатью странами… Возьмите справочник «Кто есть кто в мировой авиации». Откройте букву «Ш» и найдите фамилию «Шарманов» – тогда вам станет все ясно…

– Вы, кажется, говорили, что ваш сюжет про любовь, – упрекнул я.

– А я вам о чем рассказываю! – Павел Николаевич от обиды даже вскочил с дивана. – Просто иначе вы не поймете, откуда взялась на мою голову Катерина…

3. Смотрины

Мне постоянно приходилось мотаться за границу – переговоры, соглашения о намерениях, подписание контрактов. Некоторое время я всюду таскал с собой бывшего военного переводчика, преподававшего в моем институте сразу три языка. Полиглот и горький пьяница, он надирался уже в полете. Обычно стюардесса, совершив к нему полдюжины ходок с бутылкой виски, в конце концов не выдерживала и, махнув рукой, оставляла бутылку в его полное распоряжение. Когда я орал на него, он оправдывался тем, что на трезвую голову с трудом понимает даже по-русски, не говоря уже о прочих языках. Но не это было главной неприятностью – взяв свою дозу, переводил он великолепно. Дело в другом: бизнесмен на переговорах без эффектной помощницы всегда

вызывает сочувствие, переходящее в недоумение. Серьезный контракт без красивой секретарши подписать просто невозможно, как нельзя его подписывать шариковой ручкой за десять центов.

Поначалу мои партнеры снисходительно относились к переводчику, вообразив, будто я «голубой», которому вдобавок еще нравятся пропитые и прокуренные отставные военные. Однажды один добродушный женственный армянин, переехавший из России в Штаты лет пятнадцать назад еще мальчиком, долго наблюдал за тем, как мой переводчик хлещет виски, будто пиво, а потом вздохнул и заметил:

– Знаете, Павел, когда личная жизнь начинает плохо влиять на бизнес, это очень худо!

– Что?

– У меня тоже есть друг. Он таксист. Я его очень люблю, но никогда не сделаю своим личным шофером!

По возвращении домой я выгнал переводчика. Он теперь обозреватель-международник на радио. Когда в машине я включаю приемник и натыкаюсь на знакомый хриплый голос, у меня иногда возникает ощущение, что его могучий многолетний перегар способен настигать слушателей даже по радиоволнам.

Оставшись без переводчика, я посоветовался со своим заместителем Серегой Таратутой и дал объявление в газете:

Владельцу авиационной фирмы требуется привлекательная помощница до 30 лет, умеющая работать на компьютере, без комплексов, со знанием этикета и двух иностранных языков (английский обязательно). Высокая зарплата и постоянные выезды за рубеж гарантируются.

Боже ты мой, что тут началось! Больше сотни дам и девиц жаждали стать моими помощницами. Откровенно говоря, я обалдел от такой массовки, и пришлось даже снять на несколько дней для смотрин польский культурный центр.
В Варшаве тогда думали, что на культурные связи с оккупантами тратиться не

стоит, и сотрудники центра крутились как могли. Все на продажу…

Разочарования начались сразу же. Из чаровниц, явившихся на конкурс, мало кто владел компьютером, разбирался в этикете и знал два языка, но зато все – и соплюшки, и вполне зрелые тети – явились одетыми по форме: мини-юбка по самое «не балуй», блузка, подчеркивающая наличие требуемого для такой работы бюста, и ажурные чулочки-завлекалочки. Кто только не приперся: и прожженные путаны, вытесненные из профессии юными конкурентками, и замученные нищенской зарплатой преподавательницы английского, и потрепанные гидши развалившегося Интуриста. Была даже одна восьмиклассница, уверявшая, что подучить язык – ей раз плюнуть, а все остальное она уже умеет на «пятерку». Но я чту Уголовный кодекс.

Серега Таратута еще в комсомольские времена насобачился на организации конкурсов советской красоты и устроил все очень грамотно. Группа соискательниц поднималась на освещенную сцену, а мы с ним, как жюри в КВНе, сидели в глубине зала за специальным столиком с микрофоном.

– Вы знаете, как отбирают стюардесс в бразильских авиакомпаниях? – спрашивал Серега в микрофон.

– Как?

– А вот так. Нужно положить руки на затылок, а локти свести вместе. После этого нужно медленно подойти к стене…

– Зачем?

– Затем… Если ваши локти коснутся стены раньше, чем ваш бюст, стюардессой в Бразилии вам не быть!

– Но мы же не в Бразилии!

– Вот именно! Что такое Бразилия? Страна третьего мира. А Россия – великая держава. К тому же «Аэрофонд» предполагает открыть филиал в Буэнос-Айресе! – вдохновенно врал Таратута.

После такого заявления несколько недостаточно бюстастых соискательниц, понурясь, сошли со сцены и оскорбленно удалились. Оставшиеся стали заполнять специальные анкеты. Это была хитрость. Самых страшненьких мы отправляли домой, объясняя, что не удовлетворены их анкетными данными. Нельзя же девушке прямо сказать, что с такими, к примеру, зубами и прыщами надо бежать к протезисту и дерматологу, а не на конкурс секретарш. Потом Серега, окончивший в свое время спецшколу, а также иняз, разговаривал с девушками по-английски. Двух-трех вопросов и ответов было достаточно, чтобы убедиться: выучить язык за месяц, тем более при помощи Илоны Давыдовой, невозможно. Потом соискательницы набирали текст делового письма на компьютере. Делавшие ошибку в слове «презентация» тут же отправлялись домой, хотя для некоторых, подходящих под стандарты бразильских авиакомпаний, мы делали временное исключение. Наконец, оставшиеся девушки варили и подавали нам кофе.

К концу дня определялись финалистки. Им-то и предлагалось проследовать в сауну для демонстрации того, как они умеют организовывать мужской досуг. Иные, бледнея от возмущения, отказывались сразу же. Нет, я уважаю женщин, полагающих, будто путь к сердцу шефа лежит исключительно через мозг и желудок, но в моем офисе таким особам делать нечего. Большинство заранее знало, что их ждет, и соглашалось. Секретарша не только интимный соратник шефа, она должна быть готова в любую минуту превратиться в сексуальный подарок нужному человеку. А среди нужных людей встречаются такие ублюдки…

Для проверки всеотзывчивости девушек я пригласил кое-кого из своих друзей и партнеров. Первым, разумеется, примчался Гена Аристов – Герой России, летчик-космонавт, железный и бесстрашный мужик, боящийся в жизни только одного – своей жены Галины Дорофеевны. Появившись, он сразу же попросил Толика проверить – нет ли за ним «хвоста».

– И рогов, – остроумно добавил я.

– Смешно сказал, – грустно кивнул Гена и посмотрел на часы. – В семь я должен быть дома. Ну, давай показывай, где тут твой траходром?

В результате многократного тестирования и последующего бурного обсуждения за четыре дня удалось отобрать шесть девушек. Кто-то из них прилично владел английским, но не более, кто-то знал основы этикета, кто-то окончил

компьютерные курсы, но все шестеро хорошо заваривали кофе, касались стены грудью раньше, чем локтями, а главное – относились к своему телу как к общественному достоянию, проявляя при этом сноровку, выдумку и дисциплинированность. Двоих я сам взял секретаршами на телефон, остальных разобрали друзья и деловые партнеры. Гена тоже сначала хотел взять себе референтом одну маленькую черненькую девчушку с Украины, но потом все-таки решил не рисковать, ибо Галина Дорофеевна была хохлушкой и имела на измену природный нюх. Кто же знал, что вскоре осторожный Аристов втрескается до полной потери бдительности в длинноногую Оленьку – студентку Академии современного искусства имени Казимира Малевича.

Но та, ради которой все и было затеяно, не появилась.

– Нет женщин в русских селеньях! – горько вздохнул, уже чувствуя наступление бессилия, Серега.

Дело в том, что на второй день, утомясь, я назначил его старшим по сауне. Он не рассчитал сил и надломился. Не случайно труженики ликероводочных комбинатов или спиваются, или становятся трезвенниками. Таратутина жена до сих пор таскает Серегу на разные платные консультации, и психотерапевты в поисках причин внезапного бессилия уже добрались до внутриутробного периода его жизни, потому что о вечерах, проведенных в сауне польского культурного центра, он молчит, как партизан. Врачи рекомендовали Сереге перемену обстановки – и я отправил его представителем «Аэрофонда» в Америку. Негритянки и не таких вылечивали.

Катерина появилась на пятый день. К тому времени меня буквально развезло от обилия красивых и покладистых женщин. Что там жалкие режиссеришки эротических клипов и порнушек! Но переесть можно не только икры, но и женских прелестей. Наступил момент, когда на возможность проникнуть в очередную услужливо разверстую дамскую тайну хотелось отреагировать бессмертными словами Верещагина: «Опять икра!»

На фоне закинутых одна на другую ажурных конечностей и случайно выпадающих из низкого декольте грудей Катерина потрясла нас. На ней был строгий белый костюм с глухим воротником и удлиненной юбкой. Гладко зачесанные назад золотистые волосы она собрала на затылке в маленький строгий пучок, удерживаемый изящной заколкой. Почти незаметная косметика делала ее идеально овальное лицо еще свежее, губы еще чувственнее, а светло-

карие глаза еще ярче.

– Как вас зовут? – спросил я, чувствуя в груди долгожданное стеснение.

– Катерина Валерьевна.

– А если без отчества?

– Катерина…

– Кать, знаешь, как подбирают стюардесс в Бразилии?.. – влез оживающий прямо на глазах Серега.

– Знаю, – холодно ответила она. – В Турции отбирают так же. Меня приглашали, но у них слишком маленькое жалованье…

– Ого… Тогда вот – анкета.

– Не надо… – начал было я.

Но она, с насмешливым интересом глянув на меня, взяла протянутый Таратутой листок и присела к журнальному столику.

Анкета, которую Катерина заполнила каллиграфическим почерком, поразила нас еще больше. Диплом МГИМО. Лицензия Высшей парижской компьютерной школы. Два языка – английский и французский. Куча выездов за рубеж. Она даже родилась в Венеции.

– Родители поехали туда на Рождество. Папа в то время работал атташе по науке в Париже…

– Скажите что-нибудь по-английски! – потребовал Серега.

Она улыбнулась и мягким голосом прочитала какое-то стихотворение.

– Не понял! – опешил Таратута.

– Это на староанглийском времен Чосера… На старофранцузском что-нибудь не желаете? – предложила Катерина и посмотрела мне прямо в глаза.

Она сразу почувствовала во мне главного. Это ее умение в огромной толпе мужиков мгновенно определять самого сильного и главного потом не раз поражало меня.

– Спасибо, не надо! – спешно поблагодарил Серега. – Теперь – этикет…

– Этикет? – переспросила она у меня, не обращая на суетящегося Таратуту никакого внимания. – Кто вам завязывает галстук? Жена?

– Толик, – сознался я.

– Такие узлы давно не в моде… Серьезные люди могут вас неправильно понять.

Она легко поднялась из кресла, медленно, чуть покачивая бедрами, подошла – и оказалась выше меня на полголовы. «Это – каблуки!» – успокоил я сам себя. Касаясь прохладными пальцами моей шеи, Катерина распустила галстук, а потом быстрым и умелым движением завязала снова.

– Теперь с вами можно иметь дело! – полюбовавшись на свою работу, сказала она и вернулась к креслу, сев в него, как садятся на трон.

Она была холодна и недоступна.

– Это то, что нужно, – зашептал мне на ухо Таратута. – Я пошел с ней в сауну!

– Угоришь! – ответил я и повернулся к Катерине: – Вы хотите у нас работать?

– Все зависит от того, сколько вы будете мне платить.

– А сколько вы хотите?

Она написала что-то на листке бумаги, сложила и помахала им в воздухе. Сереге ничего не оставалось, как поработать почтальоном. Сумма, увиденная мной,

была огромной! За такие деньги тогда, в 93-м, полагаю, можно было купить ядерный чемоданчик президента или полдюжины агентов влияния. Но в ту пору дела «Аэрофонда» шли прекрасно.

– Хорошо, подходит.

– Как, без сауны? – зашептал мне на ухо Серега.

– Я вас беру!

– Без сауны? – удивилась Катерина, покачивая туфелькой.

– Я вас беру! – твердо повторил я.

– Кто знает, может быть, это я вас беру! – улыбнулась она.

4. Семейная история

Хорошая секретарша – это посерьезнее, чем еще одна жена. Во всяком случае, времени с ней проводишь гораздо больше, чем с законной супругой.
А с Катериной я проводил все время, потому что моя благоверная вместе с дочерью проживала на Майорке.

Женился я, кстати, еще в институте. Была у нас на курсе милая, но очень уж худенькая девушка по имени Таня, которая громче всех хохотала, когда я глумился над доцентом Плешановым, а во время институтских вечеров обязательно приглашала меня на белый танец. Робко положив руку на мое плечо, она каждый раз настырно вызывалась проведать меня в ходынской сторожке, отлично зная, что там уже перебывали многие студентки, аспирантки и даже одна хорошо сохранившаяся докторантка. Напросилась…

Через месяц весь институт знал, что Танька ждет от Шарманова ребенка. Отпираться и валить на кого-то другого не хотелось: в сторожку она и в самом деле явилась невинной, как засургученный пакет, дошедший наконец-то до своего адресата. В общем, минимум удовольствия и максимум неприятностей!

Нет, она не устраивала мне сцен, не жаловалась в деканат, не натравливала на меня своего отца, скромного инженера-станкостроителя, или, того хуже, мать, врача-анестезиолога, не приглашала меня на объяснительный обед в их малогабаритную трехкомнатную квартиру в Печатниках. Она просто позеленела от интоксикации, как кузнечик, и прямо с занятий была увезена в лечебницу, где с небольшими перерывами и пролежала на сохранении до самых родов. Навещая ее, я иногда сталкивался то с отцом-станкостроителем, отводившим при встрече взгляд, то с матерью-анестезиологом, пытливо смотревшей мне прямо в глаза.

В любой ситуации главное – рассуждать здраво и логично. Вопрос о московской прописке, рассуждал я, все равно рано или поздно придется решать. А зачем вляпываться в разные там фиктивные непотребства, когда девушка из интеллигентной столичной семьи вот уже третий месяц слабым больничным голосом уверяет, что любит меня больше всего на свете? К тому же заведшийся в ее чреве крошечный эмбриончик абсолютно не виноват в том, что дядя, который так неосмотрительно распорядился своей спермой, никогда до этого не задумывался о законном браке. Мои родители разошлись, когда мне было два года, и я знаю: нет ничего обиднее, чем приходящий папа и захаживающие дяди.

Я поколебался и принял решение. Свадьба была тихой, семейной, даже без криков «горько», так как невесту тошнило от всего, а меня – от поцелуев. Я даже не стал вызывать на свадьбу своих родителей, а просто известил их телеграммами. Они, очевидно, сочли, что речь идет о временном браке ради прописки, и не обиделись, даже прислали поздравления из разных концов страны. Особенно мне запомнилась папашина ответная «молния»: «С почином, сынок!»

Когда же я проинформировал их о рождении Ксюхи, мама все-таки прилетела, подержала внучку на руках и с чувством выполненного долга воротилась к своим испытательным стендам в Арзамас-16. Отец же отбил телеграмму из Мурманска: «Поздравляю! Плодитесь, но не размножайтесь». В этом предостережении без сомнения сказался его печальный личный опыт.

Татьяна оказалась идеальной женой: детский диатез или понос волновали ее гораздо больше, чем то, где и с кем шляется муж. Я как раз раскручивал кооператив «Земля и небо», домой приходил поздно, а то и вообще по несколько дней пропадал в местных командировках. Когда же я появлялся, больше всего она, кажется, боялась, что перед тем, как захрапеть, я вспомню о своих

супружеских обязанностях. Звукопроницаемость в трехкомнатной квартире оказалась потрясающей – было отчетливо слышно, как подтекает бачок в туалете, а в соседней комнате тесть переворачивает страницы романа Пикуля. Кто хоть раз занимался любовью в таких условиях, может совершенно бесшумно проползти на строго охраняемую военную базу и вернуться с парой атомных боеголовок на продажу.

Кроме того, Татьяна намучилась, вынашивая Ксюху, и теперь панически боялась новой беременности, все время что-то высчитывала по специальному календарику и постоянно старалась изолировать меня с помощью ненадежных советских презервативов. Несмотря на все эти предосторожности, в редкие моменты супружеской взаимосвязи она чувствовала себя самоубийцей, играющей в русскую рулетку. А я был убивцем…

Дела в кооперативе шли все лучше. У меня появились уступчивая секретарша и большой кожаный диван в рабочем кабинете. Затем я завел любовницу, девчонку из модельного агентства, и снял холостяцкую квартирку поблизости от офиса. Татьянины родители, конечно, все видели, понимали и даже интеллигентно намекали на то, что я испортил жизнь их дочери. Но трудно осуждать зятя, по крайней мере вслух, если он зарабатывает за неделю столько, сколько они оба за год. Сейчас они живут в моем загородном доме на Успенке, и, когда я изредка туда наезжаю, тесть, которого я устроил в поселке сторожем, все так же молча отводит взгляд, а теща все так же пытливо смотрит мне в глаза.

Зато Татьяна довольно скоро освоилась в новой богатой жизни. У нее была теперь своя машина с шофером-телохранителем, работавшим прежде каскадером. Казалось, моя супруга никогда раньше не ходила пешком в парикмахерскую. День она начинала с массажистки, а заканчивала тем, что строго отчитывала Ксюшкину бонну за разные мелочи, а то и просто так, чтобы взбодриться. У моей жены открылся настоящий дар мгновенно превращать любую выданную ей сумму денег в груды тряпок, обуви и парфюмерии. Причем дорогие магазины она почему-то не любила, предпочитая отовариваться на рынке в Лужниках, зато подружкам потом рассказывала, что купила платье в бутике или выписала по каталогу прямо «из Парижу» за безумную цену. Удивительно, но эти дуры Татьяне верили и даже иногда умоляли уступить обновку. И она, поломавшись, уступала…

Но часом ее торжества стал евроремонт в пятикомнатной квартире, которую я купил у вдовы маршала Геворкяна. Подрядчик прямо-таки серел от страха, сдавая моей супруге очередную отремонтированную комнату. Татьяна была неумолима: когда ей показалось, что пол в ванной нагревается неравномерно, она заставила строителей все переделать. Стоило огромных трудов убедить ее в том, что вода в джакузи бурлит равномерно и пускает пузыри именно тех размеров, какие указаны в проспекте.

Потом у жены возникла идея, довольно странная для девушки, выросшей в квартире с типовой мебелью из ДСП: она решила все комнаты обставить в разных стилях. Модерн, ампир и так далее. Татьяна моталась по мебельным и антикварным магазинам, рылась в каталогах – и ей было не до меня. Когда же все закончилось и мы устроили дома первый прием, то лучшей наградой для нее были вытянувшиеся лица подружек и жен моих партнеров. Надька Таратута, между прочим, совсем не простая деваха, дочь бывшего руководителя «Роскожгалантереи», вообще не выдержала и, не дойдя даже до нашей розовой спальни с зеркальным потолком, уехала домой, буркнув, что у нее аллергия на свежую краску.

Но пожить в новой квартире Татьяне не довелось. Из-за Большого Наезда. И слава богу! Гостиная в стиле Людовика XIV ей быстро надоела, кухня а ля рюс выводила из себя, а двухместная «джакузи» оказалась тесновата… Намечался новый ремонт. Я срочно под охраной бывшего каскадера отправил жену с дочерью на Майорку, где традиционно отсиживается немало семей рисковых бизнесменов. Уютный островок: за год всего одно деловое убийство, и то, кажется, по ошибке. Когда же все успокоилось, настаивать на их возвращении я не стал, да и Татьяна домой не рвалась. По праздникам я летал к ним в гости, и как-то раз Ксюха под страшным секретом рассказала мне, что однажды ночью она проснулась, пошла искать маму и обнаружила ее в бассейне, целующейся с охранником. Я посоветовал жене не забывать, что она мать, и почаще пользоваться конспиративными навыками времен проживания в звукопроницаемой малогабаритке, а также надежными европейскими презервативами. С каскадером же я поговорил как мужчина с мужчиной и накинул ему зарплату.

5. Девушка моей мечты

Но пора вернуться к Катерине, с которой я проводил дни и ночи. Если бы за мастерство в сексе давали, как в искусстве, звания и премии, то моя новая секретарша была бы народной артисткой, лауреатом государственных премий и героем труда. С ней за одну ночь можно было ощутить себя коллекционером девственниц, султаном Брунея, обнимающим одну за другой своих лучших жен, или мальчуганом, попавшим в лапы матерой нимфоманки, пропустившей через себя мужское население средней европейской столицы. Она была гениальным режиссером постельных фантасмагорий – и, в отличие от Захарова или Виктюка, никогда не повторялась! В конце каждого акта мое ружье стреляло, как орудие главного калибра!

«Зайчуганом» Катерина назвала меня в первый же вечер, когда прямо со смотрин я повез ее к себе домой, чтобы, как говаривал один политик времен перестройки, без промедления «углу?бить» наши отношения.

– По-моему, ты торопишься… Не хочешь за мной немного поухаживать? – спросила она в лифте, останавливая мои руки.

– Тебе это надо?

– Мне? Это нужно тебе…

Трясясь от нетерпения, я начал раздевать ее прямо в прихожей. В ответ она посмотрела на меня с недоуменной улыбкой – точно на человека, использующего «Пентиум» для игры в крестики-нолики, – и сказала с мягким укором:

– А ты еще совсем Зайчуган…

Как и следовало ожидать, я оказался постыдно краток и неубедителен.

– Я же говорила, не надо спешить! – вздохнула Катерина, материнским движением вытирая мне пот со лба. – А у тебя, когда ты улыбаешься, ямочки… Ты знаешь об этом?

– Знаю. Я не спешил… Нет, я как раз спешил… Понимаешь, у меня сегодня деловой ужин с одним американцем. Ты будешь переводить!

Мы встали с постели – даже без каблуков она была чуть выше меня. Я положил ладони на ее тонкую талию, и руки сами заскользили по гладчайшей коже, будто по теплому льду.

– Знаешь, как в старину называли женские бедра? – прошептала она.

– Как?

– Лядвеи…

– Правда? Гениально!

– Дай мне свой носовой платок!

– Сейчас? Зачем?

– Глупый, чтобы ты во мне подольше оставался! – ответила она и, бережно зажав платок меж лядвей, натянула трусики.

Весь ужин Катерина сидела со строгим лицом, переводила и холодно выслушивала восторги заокеанца по поводу ее безукоризненного произношения. Беседа была абсолютно бессмысленной – настоящие переговоры состоялись накануне, и я, чтобы оправдаться перед своей новой секретаршей, просто-напросто вытащил фирмача из гостиничной койки на внезапный ужин, – а пожрать на халяву дети статуи Свободы любят похлеще нашего! Заокеанец скалил свои пластмассовые зубы и рассуждал о будущем вхождении дикой России в семью цивилизованных народов так, словно Достоевский – вождь племени команчей, а Гагарин – звезда черного джаза. Катерина переводила с еле уловимой гримаской презрения. Изредка, поймав мой взгляд, она опускала лукавые глаза к лону, напоминая о носовом платке и той части меня, которая в этот самый миг хранилась в ее нежных недрах.

Когда мы вернулись домой, я набросился на нее с такой убедительностью, что у кровати чуть не отвалились гнутые золоченые ножки в стиле Людовика XIV.

Утром я проснулся один. Сначала мне показалось, будто все случившееся – просто сон. Но рядом на подушке лежал смятый носовой платок. Я уткнулся

в него лицом, и мне почудилось, что этот скомканный кусочек хлопка запечатлел, вобрал в себя всю нашу неутолимую ночь! Мне даже подумалось: если бы изобрели какой-нибудь особый «проигрыватель», то можно было бы вложить в него этот платок и воспроизвести, восстановить, вернуть все, что мы испытали, – прикосновение за прикосновением, поцелуй за поцелуем, объятие за объятием, стон за стоном, изнеможение за изнеможением…

Я вскочил и помчался в офис. Катерина скромно сидела в приемной. На ней был темно-серый твидовый костюм и белая блузка с отложным воротничком. На плотно сомкнутых коленях лежал изящный дамский портфельчик.

– Я могу приступить к работе? – Она встала мне навстречу.

– Ты уже приступила…

Я где-то читал, что у кочевников-скотоводов не пропадает ни один кусочек, ни одна косточка, ни одна капля крови зарезанного животного – все идет в дело. Катерина относилась к своему телу так же – в нем не было ни сантиметра, ни миллиметра, не отданного мне в услужение. Впрочем, нет, не в услужение – в чуткое, трепетное, отзывчивое рабство!

Всегда. В любой миг дня и ночи!

Иногда, обалдев от работы, я нажимал кнопку селектора и говорил:

– Екатерина Валерьевна, зайдите ко мне – нужно сделать перевод с французского!

– Устный или письменный? – невозмутимо спрашивала она.

– Устный! – сделав паузу, говорил я.

И, замирая, представлял себе, как она встает из-за своего стола и под ревнивыми взглядами сотрудниц строгой походкой весталки направляется в мой кабинет.

– Не беспокоить! – по селектору приказывал я секретарше в приемной, когда Катерина появлялась на пороге, закрывала дверь на защелку и медленно опускалась передо мной на колени:

– Устал, Зайчуган?

…Потом она возвращалась на свое рабочее место.

– Ну, как шеф? – обязательно интересовался кто-нибудь поехиднее.

– Ему гораздо лучше, – невозмутимо отвечала она.

А вечером мы ехали куда-нибудь в ресторан, потом ко мне и засыпали лишь под утро. Я даже не предполагал в себе такие стратегические запасы мужской энергии. Иногда, засидевшись с бумагами допоздна, мы любили друг друга в опустевшем, гулком офисе прямо на длинном столе заседаний – и это называлось у нас «гореть на работе». Абсолютно лишенная комплексов, Катерина обладала при этом особенным чувством собственного достоинства. А рабство, по сути, заканчивалось в тот момент, когда, оставив меня почти бездыханным после завершающего безумия, похожего на схватку носорога и пантеры, она легко вскакивала, накидывала халатик на ослепительно загорелое тело и шла в ванную.

– А платок?

(Носовые платки после нее я никогда не отдавал в стирку, а складывал в большой выдвижной ящик – и это называлось у нас «гербарием».)

– Нет, сладенький, сегодня я хочу побыть одна! – могла ответить Катерина и улыбнуться так, что становилось до отчаяния понятно: она принадлежит мне не более, чем весенний сквозняк в комнате. Зная все Катькино тело на ощупь, на запах, на вкус, я мог только догадываться о том, что же на самом деле происходит в ее душе, и поэтому особенно дотошно расспрашивал о том, как она жила до меня, какие у нее были мужики и что она чувствовала с ними.

– Зачем тебе это?

– Я хочу знать о тебе все!

– Все? Ну и забавный же ты, Зайчуган! Когда я читаю Библию, меня всегда смешит слово «познал». «И вошел он к ней, и познал он ее…» Ничего нельзя познать, познавая женщину. Запомни – ничего!

Поначалу мне удалось выведать у нее совсем немного. Отец Катерины был карьерным дипломатом, так и застрявшим в советниках. Во время событий 91-го посольство имело глупость поддержать ГКЧП, и его разогнали к чертовой матери – так во время войны расформировывают опозорившийся полк. Отец стал консультантом в российско-турецком совместном предприятии. Помните рекламные клипы про турецкий чай, который ни хрена не заваривается? «Чай готов!» – хлопает в ладоши черноглазая девочка. «Не спеши! – мягко осаживает ее мать. – Пусть настоится…»

Вот этим мелко нарезанным дерьмом ее папаша и занимался. Он-то и пристроил Катерину на работу в турецкое посольство. С отцом у нее были сложные отношения. Тот в свое время настоял, чтобы дочь в девятнадцать лет вышла замуж за сыночка одного мидовского крупняка. Парня ждала блестящая карьера полудипломата-полушпиона. Вместо этого он стал конченым наркоманом – таскает на толкучку остатки барахла, накопленного родителями, покупает дозу и улетает…

– Он тебя любил? – допытывался я.

– Он считал меня своей вещью. А я не могу принадлежать одному мужчине. Мне скучно…

– Это как раз нормально. Я тоже не могу принадлежать одной женщине. Семья – всего лишь боевая единица для успешной борьбы с жизнью. Люди вообще не могут принадлежать друг другу. Моя жена спит с охранником. Ну и что? Это же не повод, чтобы все сломать. Все-таки дети…

– Детей у нас не было. Я не хотела.

– Почему?

– Ребенок делает женщину беззащитной… Послушай, а если я изменю тебе с Толиком, ты меня выгонишь?

– Выгоню.

– Вот и муж меня выгнал. Понимаешь, мне, как назло, нравились не вообще другие мужики, а конкретно его друзья…

– А вот это свинство! – возмутился я.

– Интересно! Переспать с полузнакомым членовредителем можно, а с другом дома, родным почти человеком, нельзя. Я не понимаю… Но если ты против, Зайчуган, я буду изменять тебе только с незнакомыми мужчинами!

– А вообще не изменять ты не можешь?

– Не пробовала…

– Ну ты и стерва!

– Да, я стерва. И со мной надо быть поосторожнее! – предупредила она. – Я очень опасна…

– Чем же?

– Например, тем, что ты однажды захочешь на мне жениться…

– А ты этого хочешь?

– Нет, конечно, ведь жена получает от тебя гораздо меньше, чем я. Правда, Зайчуган? – И она с каким-то естественно-научным любопытством заглянула мне в глаза.

Иногда я сам себе казался жуком, которого Катерина наколола на булавку и рассматривает с сочувственным интересом. Я мстил, как умел. Я мог где-нибудь в Рио или Копенгагене, напившись в ночном клубе до белых зайцев,

шептать ей:

– Катюша, влюблен в тебя по уши! Ни с кем и никогда мне не было и не будет так хорошо! Знаешь, я разведусь, и мы поженимся…

– Зайчуган, ты совсем пьяный!

– Да! И ты родишь мне ребенка. Сегодня мы будем делать с тобой ребенка!

– Если это произойдет сегодня, то я рожу от тебя бутылку бренди…

– Бутылку бренди! – орал я бармену.

А потом, выныривая из алкогольных сумерек в реальный мир, я обнаруживал Катерину мурлыкающей у стойки бара с каким-нибудь незнакомым мужиком. Чаще всего ей нравились прилизанные высокие брюнеты с квадратными челюстями.

– Чего он хочет? – злился я.

– Им с женой скучно – они приглашают меня к себе в номер! Я схожу, а?

– Сиди, стерва! СПИД хочешь подхватить?!

– СПИД – это всего лишь одно из имен Бога. А тебе, Зайчуган, пора бай-бай… Я иду с тобой. Он мне совсем не нравится. А у жены, наверное, волосатые ноги…

Утром, придя в себя, я по какой-то неуловимой томности в ее движениях догадывался, что она все-таки воспользовалась моей непробудностью и сползала в номер к этим скотам. А может, просто притворялась, чтобы позлить меня? В отместку я требовал заказать мне по телефону проститутку, самую дорогую! Катерина четким секретарским движением вынимала блокнотик и карандаш:

– Какую предпочитаете, Павел Николаевич? А может быть, тайский массаж?

Она знала, за что ей платят деньги. И я знал, за что плачу ей деньги.

Со временем удалось узнать о ней еще кое-что. Однажды меня с Катериной довольно грубо не допустили на международную конференцию по малой авиации, проходившую в Стамбуле. Я, конечно, первым делом заорал, что, если бы раздолбаи Романовы взяли Царьград в 1916 году, вообще никаких проблем не было бы! Но, успокоившись, решил выяснить причины такого пренебрежения к моему «Аэрофонду». Дураку ясно, что Турция – всего лишь одно из многочисленных ранчо дядюшки Сэма, а с заокеанцами у меня затевался серьезный бизнес. Мой приятель, работавший в МИДе, обещал разобраться. И разобрался. «Аэрофонд» был ни при чем. Виноватой оказалась Катька.

– Гони эту стерву от себя к чертовой матери! – посоветовал мой осведомленный приятель.

А случилось вот что. Оказывается, в турецком посольстве Катерина получила не только хорошую языковую практику. На нее сразу же положил глаз посол: турки вообще просто чумеют от натуральных блондинок с хорошим бюстом. Ломаться не приходилось: с работы в случае чего могла вылететь не только она, но и папаша, тем более что дела у него шли неважно. Народ уже разныкал – и был готов пить даже грузинский чай, лишь бы не турецкий. В конце концов, оказаться любовницей посла – дело неплохое, а тот поначалу делал подарки и обещал в два раза повысить жалованье.

Но время шло, подарки становились все дешевле, пока не превратились в грошовые сувениры, а о повышении жалованья уже и речи не было. И это при том, что посол стал предоставлять безотказную секретаршу для сексразминок чиновникам, приезжающим с проверками и делегациями из Анкары. Те считали это само собой разумеющимся, как ежедневный пакетик с шампунем в гостиничном номере, и платить за услуги тоже не собирались.

Катерина справедливо решила, что за скромную секретарскую зарплату быть сексуальной отдушиной для всего турецкого МИДа не стоит, и начала, как говорится, искать варианты – тут-то ей и подвернулось наше объявление в газете. Посол очень огорчился, заслышав о ее уходе, уговаривал остаться, снова обещал повысить жалованье, но Катерина была неумолима. На прощание он, сквалыжник бусурманский, подарил ей расшитую феску с кисточкой из сувенирных запасов возглавляемого им учреждения, а также свою фотографию с осторожной надписью: «На память о сотрудничестве». Катерина преподнесла

ему заварной чайник, сработанный гжельскими умельцами. На том и расстались.

Тут надо отметить, что посол любил фотографироваться с высокими гостями, наезжавшими к нему в Москву. А будучи европейски образованным человеком, часто делал это в духе известной картины «Завтрак на траве». Проще говоря, Катька голышом снималась в обществе одетых мужчин. Кроме того, человек опытный и дальновидный, посол с помощью специального оборудования фотографировал своих гостей и тогда, когда они без одежды оказывались с ней в постели. Не знаю, как ей удалось заполучить эти фотографии, но через месяц после того, как она перешла ко мне, супруги всех этих чиновников (в том числе и послиха) получили по почте письма на безукоризненном протокольном английском:

Уважаемая госпожа имярек! Имея высокую честь весьма близко знать Вашего супруга, прошу Вас обратить внимание на тот факт, что сексуальная неудовлетворенность мужчины в семье ведет к неразборчивым половым контактам на стороне и может явиться причиной преждевременного старения организма. Рекомендую активнее использовать сексуальный потенциал Вашего мужа в супружеской спальне. Если же по каким-либо причинам это невозможно, готова, исключительно из женской солидарности, как и прежде, оказывать Вам посильную помощь. Всегда к Вашим услугам. Катерина.

К каждому письму прилагалась фотография, демонстрировавшая, как именно Катька использовала невостребованный потенциал того или иного чиновника. Полный комплект фотографий получил и министр иностранных дел Турции. Вышел громкий скандал – посла тут же отозвали и выгнали на пенсию. Вскоре почтальон принес ему конверт, в котором помещалась карточка Катерины с надписью: «На вечную память о сотрудничестве!» Врачи, спасшие жизнь бывшему послу, так и не поняли, почему снимок мило улыбающейся молодой женщины стал причиной обширного инфаркта…

Когда я узнал все это, то страшно разозлился. Нет, я не ревновал. Ревновать женщину к ее постельному прошлому – такая же нелепость, как, скажем, ненавидеть Ленина за Октябрьскую революцию. Что было – то и было. Могло быть и еще хуже. Мне, как это ни покажется вам странным, стало жалко турок.

– Зачем ты это сделала? – возмущался я. – Ты же их уничтожила! Понимаешь, уничтожила! Просто так…

– Ну и что? И почему – просто так? Когда мужчина писает у незнакомого забора, он боится и озирается. А они в первый же вечер ложились со мной в постель, как с посольским инвентарем. Смелые и спокойные. Это меня обижало. И потом, с ними было так скучно! Имею я право получить хоть немного удовольствия?

– Может, тебе и со мной…

– Ну что ты, Зайчуган! Ты единственный, с кем мне по-настоящему хорошо! Единственный…

На мужчину слово «единственный» оказывает такое же воздействие, как на братца Иванушку вода, испитая из копытца.

– Честно?

– Зачем мне тебе врать?

– Из-за денег.

– Из-за денег я бы тебе не стала врать – просто не сказала бы правду… А знаешь, что мне больше всего в тебе нравится?

– Естественно.

– Дурак ты! Мне нравятся твои ямочки. Улыбнись!

В сущности, то, что происходило между мной и Катериной, вполне можно назвать совместной жизнью. Мы не расставались ни на день, а наш «гербарий» уже с трудом помещался в выдвижном ящике. Конечно, я понимал, что судьба свела меня со смертельно опасной женщиной. Но видит Бог, я был влюблен в нее насмерть. Помните, смерть Кощея таилась в игле? И у каждого из нас есть такая игла, но только мы не знаем, где она спрятана. А любовь – это когда ты вдруг понимаешь: твоя игла зажата в кулачке вот у этой женщины. И от нее теперь зависит твоя жизнь! Кстати, и помощницей Катерина оказалась незаменимой.

Стоило ей однажды слечь с гриппом – и все пошло кувырком; графики встреч сбились, зарубежная почта лежала неразобранной, я даже был вынужден отменить серьезные переговоры в Швейцарии, потому что присутствие на них случайного, не посвященного в мои секреты переводчика было исключено. И она отлично понимала свою незаменимость:

– А если мне захочется от тебя уйти?

– Я посажу тебя на цепь!

– Золотую? – Она засмеялась.

Когда Катерина смеялась, кожа на переносице у нее собиралась крошечными милыми морщинками, а глаза по-восточному сужались.

– Бедный Зайчуган, ты же сам однажды меня прогонишь!

– Нет, я без тебя не смогу…

– Человек не может только без себя… И это отвратительно!

Она была подчеркнуто верным соратником и вызывающе неверной любовницей. Но честно говоря, поначалу я наивно думал, что такое поведение – всего лишь не совсем обычный способ заполучить меня в качестве богатого и перспективного мужа. История бизнеса, словно поле боя костями, усеяна историями о том, как боссы женились на своих незаменимых секретаршах, прощая им бурное добрачное распутство. А те, получив звание официальной жены, добропорядочнели прямо на глазах. Я сам был свидетелем нескольких подобных историй. А почему бы нет? Татьяна явилась ко мне в сторожку девственной, как заполярный снег. Ну и что в результате получилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yuriy-polyakov/nebo-padshih

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити